

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

ВСЕ
В ШОКОЛАДЕ

МОСКВА

Лучшее лекарство от скуки – авантурные детективы

Татьяны и Анны Поляковых:

Сериал «Таинственная четверка»

Миссия свыше
Коллекционер пороков
и страстей
Знак предсказателя
В самое сердце
Четыре всадника раздора
Тень у порога

Сериал «Я и Владан Марич»

Найти, влюбиться и отомстить
Жаркое дыхание прошлого
Не вороши осиное гнездо
Сыщик моей мечты
Голос, зовущий в ночи
Когда я вернусь
Свет мой тишина
Три с половиной оборота

Сериал «По имени Тайна»

Две половинки Тайны
Тайна всегда со мной
Ключ к нашей тайне

Сериал «Ольга Рязанцева – дама для особых поручений»

Все в шоколаде
Вкус ледяного поцелуя
Эксклюзивный мачо
Большой секс в маленьком городе
Караоке для дамы с собачкой
Аста Ла Виста, беби!
Леди Феникс
Держи меня крепче
Новая жизнь не дается даром

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

ВСЕ
В ШОКОЛАДЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П54

Редактор серии *Е. Ирмеш*
Оформление серии *Е. Петровой*

Полякова, Татьяна Викторовна.
П54 Все в шоколаде : [роман] / Татьяна Полякова. —
Москва : Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-217920-4

Есть много слухов об Ольге Рязанцевой, кто-то говорит, что она любовница очень влиятельного бизнесмена, а кто-то — что последняя алкоголичка. Мало кто знает, что она находится на особом счету и обращаются к ней только по самым необычным делам.

Жестокое убийство местной знаменитости точно можно отнести к такой категории. Ситуация очень плоха тем, что рядом с жертвой находят визитку покровителя Ольги, и все подозрения падают на него. Тот решает, что Рязанцева захотела его подставить, и нанимает киллера, чтобы следить за каждым шагом Ольги. К счастью, она не из пугливых, а острый язык в качестве главного оружия всегда при ней. Только поможет ли он ей в этот раз?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-217920-4

© Татьяна и Анна Поляковы, текст, 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Телефонный звонок разбудил меня в три часа ночи. Я с трудом подняла голову, включила настольную лампу, взглянула на часы и чертыхнулась. Затем перевернулась на спину и с тяжким вздохом закрыла глаза, надеясь, что кому-то надоест названивать и он отправится к чертям собачьим. Тщетно. Звонивший твердо вознамерился поднять меня среди ночи. Я села в постели, потрясла головой, силясь прийти в себя, и с большой неохотой сняла трубку.

— Привет, — услышала и едва не застонала от отчаяния, потому что, конечно, узнала голос, а заодно поняла: произошло нечто неприятное, и это еще мягко сказано. Звонил Волков, а у него приятных новостей для меня не бывает.

— Привет, — ответила я и опять тряхнула головой, пытаюсь привести мысли в порядок. Этому сильно препятствовала головная боль, обычная вещь, если накануне выпить лишнего. Домой я отправилась после двенадцати, выходит, спала часа два, не больше, и теперь вряд ли смогу досмотреть свой сон. Впрочем, он того и не заслуживал.

— Тебе стоит приехать, — без энтузиазма продолжил Волков.

— Что у тебя?

— Пока ничего, но геморрой я уже предчувствую.

— А поконкретней?

— Пожалуйста. Убийство. Девка двадцати двух лет. Шлюха из дорогих. Адрес: Вторая Советская, дом 36, квартира 215.

— Но ведь не из-за этого ты поднял меня в три ночи? — возмутилась я.

— Конечно, нет. Твой покой — для меня святое. И если я говорю о геморрое, значит, он не замедлит появиться.

— Вот черт, — пробормотала я. — Сейчас приеду. — Повесила трубку и, слегка постанывая, прошла в ванную.

Для начала я сунула голову под холодную воду, потом включила душ и, жалобно повизгивая, немного постояла под ледяными струями. Растерлась полотенцем, прошла в кухню, достала из холодильника сок и залпом выпила пол-литра, не ощущая вкуса. Не скажу, что пришла в норму, но жить стало легче. Рука потянулась к пачке сигарет, однако я вовремя одумалась и отшвырнула пачку подальше, не то все мои труды пойдут насмарку. Окинула кухню критическим взглядом и поморщилась: придется нанимать домработницу, пока квартира окончательно не заросла грязью.

С этой мыслью я вернулась в гостиную, где спала, так и не добравшись до спальни, взглянула на свой костюм и лишь покачала головой, потому что не удосужилась повесить его в шкаф — он валялся на полу в весьма плачевном виде.

— Пить надо меньше, — наставительно изрекла я, надеясь, что прислушаюсь к мудрому совету, перевела взгляд на часы и заторопилась: натянула джинсы, свитер, нашла в шкафу кроссовки, которые не мешало бы вымыть, прежде чем убирать в шкаф, и, прихватив куртку, спустилась в гараж. Здесь меня ждал сюрприз: вмятина на правом крыле. В общем-то, “Мицубиси” и до того момента выглядел паршиво, так как хозяйка ему досталась хуже некуда. Но вчера этой вмятины я не заметила

и сейчас, хмуро ее разглядывая, пыталась понять, откуда она взялась, то есть где и как я умудрилась ее заработать.

— Чудеса, — буркнула я.

Ночью, когда я покинула бар, вмятины вроде бы не было. Или была? Отправляясь домой, я подошла к машине со стороны водителя и это крыло не видела. Выходит, какой-то сукин сын помял мне машину, пока я прохлаждалась в кабаке. Ну и поделом мне, надо оставлять машину на стоянке, а не бросать в темном переулке.

Я выехала из гаража, закрыла ворота и по привычке огляделась. Дом насчитывал восемь квартир, лишь в одном окне горел свет. В первой квартире жил отставной генерал, и по ночам ему не спалось. Он возник в окне, напряженно вглядываясь в темноту. Открыв стекло, я помахала ему рукой. Всегда приятно сознавать, что кто-то и среди ночи на боевом посту. Он мне ответил, но от окна не отошел, провожая взглядом мою машину. Наверняка запомнил, в котором часу я отъехала от дома, а вот спроси, зачем ему все это, вряд ли сможет ответить.

Однако через минуту я и думать забыла о соседе. Вторая Советская находилась на другом конце города. Ночью, когда движение практически отсутствует, а стражи порядка дремлют, я преодолела это расстояние за двадцать минут. Правда, свернула не на том светофоре и выехала на Первую Советскую, чертыхнулась и, немного поплутав среди совершенно одинаковых домов, наконец смогла найти нужный адрес.

Дом был двенадцатиэтажный, длинный, серый и явно требовал ремонта, хоть и был построен недавно. Возле четвертого подъезда стояли две полицейские машины и ядовито-желтые “Жигули” последней модели. Виктор Павлович Волков слыл человеком положительным и даже консервативным, но мог иногда удивить неожиданной тягой к яркой цветовой гамме.

Я притормозила рядом с “Жигулями” и увидела самого Волкова. Он стоял возле подъезда в тени козырька и

курил. Заметив меня, пошел навстречу. Я выбралась из машины и кивнула. Свет фонаря освещал пространство перед подъездом. Волков взглянул на меня, скривился и не придумал ничего лучшего, как заявить:

— Паршиво выглядишь.

— Спасибо.

— Нет, серьезно. Может, стоит завязать с выпивкой?

— Кому бы говорить, — фыркнула я.

— Когда пьет мужчина, это нормально, а вот когда женщина...

— Отвали, а? Когда я работаю, то о выпивке забываю.

— Надо посоветовать Деду завалить тебя работой.

— Не думай, что моя жизнь вечный праздник.

— В ближайшее время праздник точно не ожидается.

— Ну, так что тут за геморрой? — проявила я интерес.

— Сама увидишь...

— Может, ты наконец скажешь, на кой черт вытащил меня из постели?

— Все самое интересное на потом, — хмыкнул Волков. — Для начала взгляни, что там.

— А надо? — усомнилась я.

— Надо, — серьезно кивнул он.

Мы вошли в подъезд и поднялись на второй этаж. На лестничную клетку выходили двери четырех квартир. Одна была приоткрыта, рядом стояли двое мужчин и три женщины среднего возраста с испуганными лицами, должно быть, соседи. При виде нас они посторонились, мы вошли в прихожую, и Волков сказал:

— В комнате...

Я сделала еще несколько шагов. Квартира однокомнатная, правда комната большая, метров двадцать пять. Использовали ее одновременно как гостиную и как спальню. Тяжелые шторы на окнах задернуты, у противоположной стены низкая тахта, застеленная ковром с парчовыми подушками, антикварная мебель, за китайской ширмой кровать с деревянными спинками:

приобретенная в недорогом магазине, она выглядела здесь как нечто инородное. Возле кровати стояли двое мужчин в штатском и что-то лениво обсуждали. Еще двое, на первый взгляд бесцельно, двигались по комнате, молодой человек в очках, насвистывая, снимал отпечатки пальцев с двух бокалов чешского стекла, стоявших на низком столике. На полу у его ног валялась бутылка коньяка. Парень оглянулся, увидел меня и кивнул:

— Привет.

— Здравствуйте, — громко сказала я. Теперь все присутствующие обратили на меня внимание и недружно ответили:

— Здравствуй.

— Представлять друг другу вас не надо, — сказал Волков. — Дело у нас, скажем прямо... В общем, Ольга Сергеевна будет помогать нам по мере сил.

На лицах мужчин появились ухмылки, от которых они тут же поспешили избавиться и кивнули как ни в чем не бывало, только очкарик продолжал свою работу, радостно улыбаясь мне. Я покопалась в своей памяти и вспомнила, что парня зовут Вячеслав, отчество не помню, да оно и ни к чему. Нас познакомил Волков этой зимой на торжественном вечере, посвященном какой-то очередной годовщине. Я поздравляла собравшихся от имени фонда “Честь и достоинство”, который основал Дед (он был просто помешан на всяческих фондах, они росли как грибы после дождя, и во всех этих фондах я кем-нибудь числилась, неизменно выступая на различных торжествах в роли свадебного генерала). Двоих из присутствующих мужчин (не считая Волкова) я знала неплохо, еще одного если и видела раньше, то сейчас припомнить не могла. На меня же они взирали так, точно знали всю мою подноготную, как оно скорее всего и было.

— Не желаете взглянуть? — кивнул один из них на кровать. Я подошла ближе. Мужчины посторонились, а я на мгновение зажмурилась. Конечно, труп — это

труп и ничего приятного увидеть я не ожидала, но этот прямо-таки вызвал у меня шок. Я потерла переносицу и заставила себя открыть глаза. Мужчины молча ждали. Я кашлянула, словно извиняясь, и перевела взгляд на убитую. Сейчас трудно было определить, сколько ей лет. Выглядела она ужасно: глаза вылезли из орбит, из открытого рта торчали скомканные доллары, вокруг шеи девушки был обмотан чулок, голова ее была приподнята и странно вывернута, конец чулка закреплен на спинке кровати. Скорее всего ей сломали шею. Но этого убийце показалось мало, и он зачем-то разрезал ей живот, и не просто разрезал, а аккуратно разложил содержимое на кровати с двух сторон от трупа. Постель была густо перепачкана кровью, а на стене, прямо над головой убитой, привет от свихнувшегося ублюдка: крупные буквы тоже кровью — “Сука”.

— Что скажешь? — спросил Волков, подойдя к кровати.

— Впечатляет. — Я поспешно отвернулась.

— Вот-вот. Соображения есть?

— Он псих.

— Само собой. Еще какие-нибудь ценные замечания?

— Замечаний нет, есть вопрос.

— С вопросом обожди. Значит, ничего стоящего тебе в голову не приходит?

Я оглядела комнату, пытаясь понять, чего от меня добивается Волков. В комнате царил образцовый порядок, если не считать окровавленной постели, надписи да еще бутылки коньяка на полу.

— Она не сопротивлялась? — вопросительно заметила я.

— Никаких следов борьбы. Одежда на убитой отсутствует, за исключением гипюровых трусиков.

— На честь девушки не посягали?

— На это ответит специалист, но я уверен: он ее не изнасиловал.

— Почему он, а не она? — спросил Славик, подходя ближе.

— Что-то я не слышала о маньяках-женщинах, — заметила я с усмешкой, — а это работа маньяка.

— Не скажи, — покачал головой Волков. — Надпись видишь?

— Ревность?

— Почему бы и нет?

— Тогда пошарь среди ее дружков. Кому-то не нравилось, как девушка проводит время, и он внес в это свои коррективы. Как ее зовут?

— Кудрина Алла Дмитриевна. Танцовщица в ночном клубе “Пирамида”. Чем они там на самом деле занимаются, тебе лучше знать.

Я нахмурилась, начиная понимать, почему Волков поднял меня среди ночи. “Пирамида”, как и многое в этом городе, принадлежала Деду, неофициально, конечно. Однако, хоть Дед и отрешивался от доходного бизнеса и делал вид, что не имеет отношения ни к ночным клубам, ни к многочисленным саунам и массажным кабинетам (он дважды даже выступал с разгромными статьями в газетах о древнейшей профессии и сутенерах в погонах, статьи, кстати, писала я, и цифрам, приведенным в них, можно было верить), так вот, несмотря на все старания Деда откреститься от того, что он, то есть я, в статьях назвал “чумой нашего города”, те, кому хотелось знать, знали, что он-то как раз и контролирует данную чуму. Зверское убийство, совершенное явным психом, газетчики вниманием, конечно, не обойдут... Одному богу известно, что они смогут накопать в припадке журналистского рвения. И все это за несколько дней до выборов.

Я непроизвольно поморщилась, а Волков кивнул:

— Вот тебе и геморрой...

Я согласно кивнула: что да, то да. Теперь скверное настроение Виктора Павловича стало мне понятно: с одной стороны, на него будут давить, требуя, чтобы

психопат-убийца как можно скорее оказался за решеткой (обыватели впадают в транс при слове “маньяк”), с другой — работать придется с оглядкой, чтоб ненароком не накопать лишнего.

— Сочувствую, — сказала я. Он усмехнулся. — Если не возражаешь, я вас покину, — помедлив, заявила я, присутствующие кивнули, а Волков пошел проводить меня. — Можешь рассчитывать на наше содействие, — заверила я, поспешив утешить его.

— Ага, — хмыкнул он, посмотрел на меня внимательно, точно что-то прикидывая, и вздохнул: — Это не все.

— Что, есть еще труп?

— Хуже. Для меня, по крайней мере.

— Что же может быть еще хуже? — в притворном удивлении подняла я брови.

— Вот это. — Он протянул мне визитную карточку. Золотыми буквами на сером фоне значилось: Кондратьев Игорь Николаевич. Следующие три строчки были мне ни к чему, я сама заказывала в типографии визитки для Деда.

Я взглянула на оборотную сторону. По правилам хорошего тона она должна быть девственно-чистой, если, конечно, владелец не пожелал оставить кому-то несколько слов. Владелец не пожелал, но до девственной чистоты оказалось далеко: карточка была заляпана кровью.

— Она была у девицы? — хмуро спросила я. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше — какой, к черту, геморрой, дело много хуже.

— Карточка валялась под креслом.

— А кровь?

— Кресло стоит в трех шагах от постели, если ты соизволила обратить на это внимание. А там все залито кровью.

■ Мы вышли из подъезда и замерли под козырьком.

— Кто видел карточку? — задала я вопрос, который меня, по понятным причинам, очень беспокоил.

— Я.

— Хорошо.

— Серьезно? — фыркнул Волков. — Может, объяснишь, что ты нашла хорошего во всем этом?

— Не заводись, — миролюбиво попросила я. — Мне это нравится так же, как и тебе.

Мы подошли к моей машине, он взглянул на нее и покачал головой:

— Когда ездить научишься?

— Просто мне не везет.

— Завязывай пить, Ольга. Добром это не кончится.

— Заткнулся бы ты, — от души пожелала я, садясь в машину и намереваясь проститься с Волковым, но он открыл дверь и устроился рядом со мной.

Я ждала, что он скажет, ненавязчиво разглядывая его. Волков выглядел так, как и полагалось выглядеть человеку его звания. Лет сорока пяти, выше среднего роста, с наметившимся брюшком и тем особым выражением лица, которое сразу намекало на его профессию. Он начал сесть, виски отливали серебром, стригся он коротко, жесткие волосы торчали на затылке, образуя венчик, темные брови, нос короткий и прямой, глаза небольшие и в общем-то невыразительные. Однако Волков умел смотреть так, что под его взглядом становилось как-то неуютно. Не нравился мне только его рот, узкие губы были слишком малы для этого лица, и улыбаться Волков не умел, вместо улыбки на лице появлялась кривая ухмылка, которая шарма ему не добавляла. Становилось ясно: человек этот далеко не прост и характером обладает скорее всего скверным.

Впрочем, ничего такого я за Волковым не знала, уживались мы вполне сносно, даже испытывали друг к другу симпатию. Он производил впечатление честного

человека и умело этим пользовался. С Дедом их что-то связывало, но и тот и другой об этом помалкивали, причем оба извлекали из давнего знакомства максимум пользы. У Волкова имелся дом за городом, записанный на жену, и “БМВ”, который он не смог бы купить на свою зарплату. Сын его, едва закончив школу, организовал собственное дело, где заправлял, конечно, Волков, хотя и не имел права, исходя из буквы закона. Однако официально директором фирмы был сын, который к тому же носил фамилию матери, так что перед законом Волков был чист. Само собой, его готовность помочь только на пользу Деду. В общем, налицо обоюдovýгодный союз, поэтому меня ничуть не удивило беспокойство в голосе Волкова, когда он опять заговорил.

— Что скажешь?

Я пожала плечами:

— Что тут скажешь? Дед раздает свои визитки по два десятка за день. И то, что она оказалась у этой девицы...

— Вот именно, — хмыкнул он. — Не знаю как тебе...

— Надеюсь, ты не думаешь, что это Дед развлекался, распарывая ей живот.

— Совершенно неважно, что думаю я. Но если о визитке каким-то образом узнают...

— Позаботься о том, чтобы не узнали.

— Спасибо за подсказку, сам бы я ни за что не допетрил. — Он отвернулся, помолчал немного и заговорил вновь: — А если это как-то связано с выборами?

Я не торопилась отвечать, хотя, признаться, не очень-то верила, что кто-то совершил жуткое убийство с единственной целью насолить Деду.

— Давай не будем забегать вперед. Твое дело — следить за тем, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

— А если Дед знаком с девкой?

— Ну и что? С ее профессией она могла знать многих.

■ Возможно, визитку ей действительно дал он.

— И она оказалась под креслом, да еще вся в кро-
вище, вместо того чтобы лежать в ее сумке, в ящике
стола, коробке или в вазе, наконец, то есть в том месте,
где обычно у людей лежат визитки. С ее стороны было
довольно оригинальным запихнуть визитку под кресло.
Всем известно, что Дед таскает визитки в кармане...
Например, он бросил пиджак на спинку кресла...

— А потом зарезал девушку? — усмехнулась я. — Дед,
конечно, не ангел, но как-то трудно представить его в
роли мясника...

Волков поморщился:

— Я вовсе не это хотел сказать... Что, если он был у
нее? Кто-то воспользовался его приходом и убил дев-
чонку, а визитку оставил нарочно.

— Если она выпала из кармана Деда, то как это мог
предвидеть убийца?

— Не говори глупости. Он мог его выследить и...

— Тогда визитка вовсе не выпала из кармана пиджака,
ее подбросили нарочно, а если ее подбросили нарочно,
то вовсе не факт, что Дед знаком с убитой.

Волков дернул тонкими губами и со злостью посмо-
трел на меня.

— Я разговаривал с соседями, они несколько раз
видели мужчину среднего роста, лет пятидесяти, блон-
дина, с загорелым лицом, всегда в темных очках, голову он
держал опущенной вниз, точно опасался, что его узнают.

— Портреты Деда расклеены по всему городу. Да и
вообще, человек он известный. Я-то была уверена, что
его каждая собака знает...

— Боюсь, так оно и есть. Граждане его узнали, но
помалкивают об этом из опасений оказаться в скверном
положении.

— Не преувеличивай.

— Я тебя знакомлю с точкой зрения обывателей.
Допустим, они его не узнали, то есть это они нам так

заявили, но завтра по городу поползут слухи... А я должен найти убийцу.

— Хочешь задать Деду несколько вопросов?

— Нет уж, спасибо. Сама задавай.

— Подумаю над этим, — кивнула я.

— Эта чертова политика... — пробубнил Волков, кивнул мне и вышел из машины.

Я тронулась с места, продолжая размышлять над его словами. Если честно, я здорово нервничала. Конечно, я не могла вообразить Деда в роли маньяка. Человек он решительный, и с моралью у него большие проблемы, но кромсать кого-то ножом... чепуха...

— Чепуха, — вслух повторила я и усмехнулась, а потом и хихикнула, злясь на себя за это.

“Почему бы и нет? — продолжал веселиться кто-то внутри меня. — Он сукин сын, вообразивший себя всемогущим. А вдруг он свихнулся?”

— Это ты свихнулась, — возвысила я голос. — С какой стати ему убивать эту женщину да еще запихивать ей в рот доллары и писать на стене кровью “Сука”.

“А почему бы и нет? — вновь подумала я. — Нет, в самом деле. Допустим, он увлекся девчонкой, а она ему изменяла, предположим, он застал ее с любовником...” Никаких следов борьбы, если не считать опрокинутой бутылки коньяка. Такое впечатление, что девица сама разделась и легла в постель, ожидая, что ее осчастливят. Вместо этого ей кто-то накинуд чулок на шею, а потом вспорол живот.

Предположим, он не заставлял ее с любовником, а просто узнал о его существовании. Девчонка не подозревала об опасности, и он этим воспользовался. Тебе ли не знать, как он мстителен. Правда, обычно он мстит чужими руками... А если соблазн был чересчур велик? Хватит гадать, сейчас речь не об этом. Визитка, вот твоя головная боль, и показания соседей. Слухи — это несущественно, главное, чтобы не нашелся придурок, который

опознает в госте убитой Деда. Если бы не выборы... Вдруг Волков прав и кто-то решил подложить Деду свинью, использовав его связь с девчонкой?

— Вот это плохо, очень плохо, — произнесла я и закончила: — Потому что на этом он или они не успокоятся.

Я свернула к дому. Теперь даже генеральское окно не светило. Я въехала в гараж и еще какое-то время сидела в машине, бессмысленно пялясь в лобовое стекло. Потом с неохотой покинула гараж, поднялась на три ступеньки и вошла в коридор. Квартира у меня в трех уровнях: гараж и просторный холл внизу, на втором этаже кухня, гостиная и столовая, на третьем две спальни. Я даже не могла припомнить, когда поднималась на третий этаж в последний раз. Гостиную я использовала как спальню, кухню как гостиную, столовая вовсе была мне без надобности, как, впрочем, и вся эта квартира. Но Дед рассудил иначе, а я с ним не спорила, точно зная, как это бесперспективно. Квартира досталась ему за гроши, и он не придумал ничего лучше, как подарить ее мне. Само собой, я изобразила восторг по этому поводу, потому что подарок свидетельствовал о том, что Дед любит меня по-прежнему и все у нас с ним ладненько да складненько.

Я прошла на кухню, включая везде по дороге свет, потому что не терпела темноты. В темноте меня посещали призраки. Обычное дело для людей с нечистой совестью, как утверждает Марк, а Марк в таких вещах смыслит. Во всяком случае, я ему доверяла в этом вопросе, потому что сам он всегда спит со светом.

Я включила чайник и немного постояла у окна, опершись на подоконник. Небо серело, но кухонное окно выходило в сквер, и там, в тени деревьев, было еще темно. Я заварила кофе, подумала и достала из холодильника бутылку мартини. Мартини я пью, как пьют водку. Налила полстакана, выпила и закусила куском хлеба. Посидела немного с закрытыми глазами,

прикидывая, стоит ли ложиться. Покидать кухню было лень, я расслабленно устроилась в кресле и вроде бы задремала, потом резко подняла голову, взглянула на часы. Пожалуй, придется отправиться в постель. И тут зазвонил телефон. Я стояла и смотрела на аппарат, прикидывая, чего мне следует ждать от жизни. В эту ночь я нарасхват. Не торопясь, я сняла трубку.

— Да.

— Привет, — услышала я хриплый голос, не мужской и не женский. — Как себя чувствуешь? Должно быть, на душе паршиво?

— С какой стати?

— Ведь ты знаешь: это он вспорол брюхо девчонке.

— Какое брюхо? — хмыкнула я, взглянув на определитель номера. Звонок был из автомата. Я схватила сотовый и торопливо набрала нужный номер, боясь, что хриплый прекратит разговор и я ничего не успею.

— Дуру из себя не строй, — весело заявили на том конце провода. — Ты ведь уже видела ее? И знаешь: девку пришил твой любовник.

— Но... — начала я, однако в аппарате раздались короткие гудки. Звонивший бросил трубку. Зато ответил Сережа.

— Чего у тебя? — спросил он хмуро и зевнул.

— Телефонный звонок. Из автомата.

— Чего хотели?

— Весьма информированный гражданин, знает даже то, что ему знать не положено.

— Понял, — ответил Сергей совершенно другим голосом. — Подключу твой номер. Еще что-нибудь?

— Пока ничего в голову не приходит, — вздохнула я и простилась с ним. Швырнула сотовый в кресло и задумалась. Номер моего домашнего телефона есть в справочнике, так что узнать его не проблема, а вот откуда звонивший узнал об убийстве? Оперативно, ничего не скажешь... — Так, — громко сказала я, по привычке

начиная размышлять вслух. — Очень может быть, что Волков прав и кто-то решил подложить Деду перед выборами свинью. А если... что, если? Валяй, договаривай, вот сейчас ты подумала, что Дед в самом деле убил ее? Стоп, он не назвал его имени или прозвища, он сказал: “твой любовник”. Значит, звонивший осведомлен о наших отношениях... Необязательно. Дед никогда не скрывал, что равнодушен к женщинам, так что логика вполне прослеживается: я на него работаю, значит, я с ним сплю. А если он имел в виду кого-то другого? Кого еще можно назвать моим любовником? Вот черт, ни одной кандидатуры. Впрочем, неизвестно, что обо мне болтают за спиной.

Допустим, он имел в виду Деда... Откуда звонивший узнал об убийстве? Точнее, от кого? Я сняла трубку и набрала номер сотового Волкова.

— Слушаю, — без энтузиазма откликнулся он. Я сообщила о звонке, сподвигнув его на длительное размышление. — Мы все еще на квартире, — сказал он наконец, — при мне никто никуда не отлучался... Хотя могли позвонить еще до моего приезда. Вот что, давай встретимся ближе к обеду и все обсудим. К тому времени у меня будут результаты вскрытия.

— Хорошо, — согласилась я, — жду твоего звонка.

Я прошлась немного по гостиной, затем не раздеваясь легла в постель и постаралась вздремнуть. Звонок неизвестного (хотя, может, неизвестной?) произвел на меня впечатление, что в общем-то странно. Периодически появлялись психи, которые звонили среди ночи с угрозами, а за несколько дней до выборов этому и вовсе не приходилось удивляться. То, что на Деда выльют ушат грязи, не вопрос, мы и сами подготовили две солидные бочки для наших конкурентов. Тогда с какой стати я так нервничаю?

— А нервничаешь ты, уважаемая, по той простой причине, что труп имеет место быть и он вовсе не бред